

суть явления (порой в парадоксальной форме), разоблачить и осмеять фальшь. Юмор Шолохова полон уважения к трудовому народу, в нем много мудрости и оптимизма.

Комическое в массовых сценах романа «Поднятая целина» помогло писателю показать многообразную стихию народной жизни на крутом переломе истории.

Список литературы: 1. Шолохов М. А. Собр. соч. В 8-ми т. М., 1980. 2. Бригигов А. Ф. Мастерство Михайла Шолохова. М., 1964. 203 с. 3. Дрягин Е. П. Вдохновенное мастерство. Ростов н/Д., 1958. 118 с. 4. Петелин В. Михайл Шолохов. Очерк жизни и творчества. М., 1974. 320 с. 5. Сойфер М. Мастерство Шолохова. Ташкент, 1961. 416 с. 6. Хватов А. И. На страже века. М., 1975. 478 с.

Статья поступила в редколлегию 10.04.83

А. Л. Глотов, асп.,
Львовский университет

Художественное самосознание писателя (творческий опыт М. М. Пришвина)

Стремление писателя осмыслить свое место и роль в литературе считают одним из важнейших элементов в комплексе свойств творческой индивидуальности. «Творческая работа предусматривает самоосознание, самоосмысление писателем самого себя», — отмечал Г. А. Вязовский [1, с. 178]. О «необходимости для художника аналитического подхода к «способу функционирования» природной одаренности», ссылаясь на Гегеля, писал Б. С. Мейлах [5, с. 17]. Для исследователя, литературоведа материалы такого самоанализа также представляют большой интерес. Б. С. Мейлах считает, что этот материал «является одним из основных источников изучения творческого процесса» [5, с. 44], и, поскольку «этот самоанализ... поверяется... результатами работы, поэтому является наиболее достоверным» [5, с. 45].

Французский литературовед М. Божур в работе «Литературный автопортрет», одном из немногих современных исследований по данной теме, утверждает, что работающие в этом жанре применяют в основном не повествовательные, а метафорические элементы, и считает, что автор литературного автопортрета рассказывает не о драмах жизни, но о драмах письма [см. 14]. М. Божур, проводя идею деперсонализации художественного текста, приписывает автору использование исключительно чужих, общекультурных формул. Здесь французский ученый повторяет изжившие себя утверждения К. Юнга о конфликте между художником и человеком, К. Кайзера об отсутствии идентичности и зависимости между поэтической и исторической личностью писателя и других буржуазных авторов [см. 13].

М. М. Пришвину удалось в жизни и творчестве найти гармонию между бытом и бытием. Называл он ее «творческим поведе-

нием». «Можно сказать, что этими двумя словами — «творческое поведение» — он объединил все те главные качества, которые необходимы современному советскому писателю», — отмечает Ф. Сетин [11, с. 5]. А. М. Горький еще раньше определил: «...в его лице (М. М. Пришвина.— А. Г.) я вижу как бы еще несовершеннолетний, но сделанный кистью мастера портрет литератора, каким должен быть советский литератор» [2, с. 7].

То, каким же должен быть писатель, очень волновало М. Пришвина. Долгие годы во множестве миниатюр, эссе, очерков, дневниковых записей он создавал литературный автопортрет, стремясь освоить и распространить понятие «творческое поведение». Задача настоящей статьи — определить, насколько целостен этот автопортрет, в чем его значение для понимания творчества М. М. Пришвина.

Рассматривая термин «творческое поведение», изобретенный Пришвиным, исследователи его творчества свели многочисленные высказывания к комплексу свойств: родственное внимание к живой природе, сохранение в себе свежести восприятия младенца, умение открывать в природе прекрасные стороны души человека, стремление к добру, способность находить все новые источники радости в жизни, устремленность к возникновению гармонии человека и природы, непрерывные поиски друга-читателя [4, с. 176; 12, с. 268].

Обо всем этом М. Пришвин действительно неоднократно писал. Но для того, чтобы передать «технология» воплощения указанных свойств в произведении искусства, он вводит изощренную метафору, предлагая представить такой психологический прием в сознании писателя: «...все искусство художника состоит в поведении, отвечающем возможности заставить мир без себя, и потом годами над этим работать» [7, с. 126]. Какая степень объективности при этом достигается, можно судить по достоверности проникновения писателя во внутренний мир обитателей живой природы.

Насквозь метафорично и в то же время целиком выражает всю сумму свойств, необходимых при «творческом поведении» писателя, такое наблюдение Пришвина: «Пропотеешь на охоте и высохнешь, дождик польет, высохнешь, опять пропотеешь, и так густо, что вот, кажется, через рубашку трава проросла и по траве паутина легла, и в строгое холодное утро паутина поднялась мельчайшими каплями росы и засверкала. Тогда все книжное, начитанное, надуманное исчезает, и если приходит мысль — верь ей! Это своя мысль, проросшая из твоей головы, как мох из пенка» [9, с. 195].

Метафоричность осознания себя как человека в природе и как писателя идет от естественности бытия в мире, где все друг с другом связано. Н. Познякова считает, что «подмечать сходство человека с природой — творческое credo Пришвина. Неудивительно, что стиль его характеризуется обилием метафор, которые выступают не как удачно найденный прием, не как одежда для мысли, а как самое существо его мысли» [6, с. 582]. Таким образом, мета-

форичность представляет собой один из основополагающих принципов творчества М. Пришвина в целом. Великолепный мастер художественного слова, осознав собственный писательский опыт, он создал стройную систему овладения навыками писательского ремесла, проникающую в самую суть искусства, отличающуюся неповторимостью подхода к проблемам мастерства. Эта система связывает все бытие писателя: и личную жизнь, и общественную, и само творчество.

«Сколько я ни читал критических разборов,— пишет М. Пришвин,— никогда не приходилось мне узнать мою сокровенную мысль об искусстве, как образе поведения. Так мне пришло в голову, что, может быть, не художнику и невозможно ничего сказать о таком поведении, как невозможно холостой женщине рассказать о деторождении» [8, т. 5, с. 489].

В этом высказывании две стороны — субъективная и объективная. Субъективно Пришвин подвергает сомнению способность любого литературоведа сказать истинно верное слово и приводит весьма хлесткую аналогию. Однако еще Горький говорил о «веселом лукавстве ума» Пришвина. Впрочем Горький же и замечал, что «художник может научиться мастерству только у художника» [3, т. 24, с. 264]. Объективно же Пришвин приводит факт литературной жизни, который подтверждают и критики: до него никто из писателей идеи об искусстве как образе поведения не высказывал.

Очевидно, и М. Пришвин опирался на грибоедовский тезис «пишу, как живу, и живу, как пишу». В современной науке идею взаимопроникновения жизни и искусства проводит М. Б. Храпченко [13, с. 73] и др.

Тем не менее В. Д. Пришвина, поставив эпиграфом в предисловии к восьмитомному собранию сочинений М. Пришвина слова М. М. Бахтина: «Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности», утверждает, что «невозможно провести грань между его бытием и его словом — у Пришвина такой грани нет» [10, с. 5].

Определить степень оригинальности свойств, входящих в понятие «творческое поведение», установить, самородны ли они, или представляют собой «готовые категории», непросто. Как, впрочем, непросто стало доказывать, например, оригинальность сюжета любого литературного произведения после того, как компаративисты установили, что в мировой литературе всего около трехсот повторяющихся сюжетов. Кроме того, те самые отсылки к «реалиям данной культуры» (по М. Божуру) — что же это, как не составная часть традиции, без которой, как известно, никогда не было бы и новаторства.

Поэтому, вероятно, нет необходимости в сугубом выпячивании оригинальности пришвинских положений о писательстве. Другое дело — выяснить, стоит ли за ними цельный и гармоничный облик писателя. А потому вернемся к составным понятию «творческое поведение». Насколько крепка и естественна связь между ними?

«Если войдешь глубоко в жизнь природы», — отмечал М. Пришвин, — то и поймешь отдельно каждое существо, и они тем самым скажут о себе, а ты людям о них скажешь словами» [8, т. 1, с. 525]. Пришвин сохранил поразительную творческую активность до конца жизни, оставив неоконченные произведения и планы новых, и пронес сквозь различные литературные и окололитературные бури верность своей теме, достигнув того, что он сам считал идеалом для писателя — «попасть в хрестоматии для самых маленьких».

Сумел овладеть этой наукой М. Пришвин потому, что одним из наиболее ценных им свойств как в писателе, так и в читателе было «сохранение в себе своего младенца». Детская непосредственность общения с природой, общительность, бескорыстие по отношению к природе поражают в Пришвине: «Мы можем войти в природу так, что возле муравейника скажем имя знакомого муравья, и тот муравей отложит на минуточку дела и выбежит поздороваться» [9, с. 154].

Обладая этими качествами, писатель открывал в окружающем мире несметные богатства, ценность которых возрастает во столько раз, сколько людей о них знает. Вся жизнь Пришвина — дорога к другу, поиски его, поиски читателя, который станет единомышленником.

Только жизнеутверждающее начало, оптимизм, страстное желание прийти к людям, чтобы открыть им родник радостной жизни, владело М. Пришвиным. Человек с открытой душой, желающий только добра и стремящийся только к добру, писатель искал и находил в окружающей его природе, в проявлениях ее — человеческую душу, прекрасные ее стороны. «Что такое талант? — задумывается он. — Это, по-моему, есть способность делать больше, чем нужно себе: это способность славить зарю, но не самому славиться» [8, т. 4, с. 522].

Когда-то, еще до революции, З. Гиппиус назвала произведения М. Пришвина «бесчеловечным» за то, что героем их стала сама природа. Всем своим творчеством Пришвин убедительно доказывал, что «лицо природы только тогда покажется в поэме, если согласишься с ней показ души человека» [7, с. 122]. Природа, по Пришвину, одушевляется только человеческой душой, прекрасными ее сторонами.

Природа не только одушевляется, но и оплодотворяется человеческой мыслью и чувством. Писатель стремится к полной гармонии с природой. Опора этой гармонии для Пришвина — в его народности, в его языке, в чувстве родины: «Я расту из земли, цвету как трава, меня косят, меня едят лошади, а я опять зеленою и к петрову дню цвету» [9, с. 234].

Творческое кредо М. М. Пришвина скроено не из громких фраз, оно стало естественным продолжением собственно творчества. Верность человеческому и писательскому идеалу определила невозможность противоречий между искусством и жизнью, «образом поведения».

Список литературы: 1. *В'язовський Г. А.* Творче мислення письменника. Дослідження. К., 1982. 335 с. 2. *Горький А. М.* Письмо в «Литературную газету» о М. Пришвине. — В кн.: *Пришвин М.* Собр. соч. В 6-ти т. М., 1956—1957, т. 4. 723 с. 3. *Горький М.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1949—1955, т. 24. 576 с. 4. *Ершов Г. А.* Михаил Пришвин. Жизнь и творчество. М., 1972. 192 с. 5. *Мейлах Б. С.* Талант писателя и процессы творчества. Л., 1969. 448 с. 6. *Познякова Н. А.* Искусство слова М. Пришвина. — В кн.: *Zeitschrift für slawistik.* Берлин, 1978, т. 4, кн. 23. 7. *Пришвин М. М.* О творческом поведении. М., 1969, 160 с. 8. *Пришвин М. М.* Собр. соч. В 6-ти т. М., 1956—1957, т. 1. 575 с.; т. 5. 735 с. 9. *Пришвин М. М.* Я встаю в предрассветный час. М., 1979. 239 с. 10. *Пришвина В. Д.* О Михаиле Михайловиче Пришвине. — В кн.: *Пришвин М. М.* Собр. соч. В 8-ти т. М., 1982. т. 1. 830 с. 11. *Сетин Ф. И.* От составителя. — В кн.: *Пришвин: М. М.* О творческом поведении. М., 1969. 160 с. 12. *Хмельницкая Т. Ю.* Творчество Михаила Пришвина. Л., 1959. 284 с. 13. *Храпченко М. Б.* Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1972. 408 с. 14. *Veaujour M.* Miroirs d'encre: Rhétorique de l'autoportrait. — P.: Ed. du Seuil, 1980.

Статья поступила в редколлегию 04.01.84.

Ю. А. Гречанюк, преп.,
Черновицкий университет

Разоблачение украинского национализма и униатской церкви в памфлетах В. Беляева и Т. Мигаля

Борьбе с религиозными пережитками посвятили свое творчество многие советские писатели. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает разоблачение униатской церкви — гибрида воинствующего католицизма и православия. Эта тема нашла широкое отражение в творчестве украинских и русских мастеров пера, в частности, в творчестве наших современников — В. Беляева и Т. Мигаля.

Униатская, греко-католическая церковь, воплотившая в себе злоешие силы реакции, помогла представителям господствующих классов угнетать трудящихся западных областей Украины и Белоруссии, всеми силами продвигала воинствующий католицизм на восток. Она благословляла на террор и измену народу банды украинских буржуазных националистов, которые стали верными холоями гитлеровцев, палачами трудового народа.

Борьбе против современных апологетов униатской церкви, против украинских буржуазных националистов посвящены публицистические памфлеты лауреата Государственной премии СССР и премии имени Т. Г. Шевченко В. Беляева, который с честью продолжает «дело его павшего друга Ярослава Галана» [4, с. 3]. Эта же тема глубоко раскрыта в киносценариях «Иванна» и «До последней минуты». Известный украинский прозаик А. Хижняк пишет: «На наших глазах закалялся талант В. Беляева, вдумчивого художника, неутомимого исследователя жизни. Он рос в дружной литературной семье, в которой были Ярослав Галан,